

На правах рукописи

ФРАНЦУЗОВА Алина Дмитриевна

КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕУДАЧИ В УСТНОМ СУДЕБНОМ ПЕРЕВОДЕ:
ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ ШВЕДСКОГО И
РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Архангельск 2022

Работа выполнена на кафедре перевода и прикладной лингвистики ФГАОУ ВО «Северный Арктический Федеральный университет имени М.В. Ломоносова»

Научный руководитель:

Поликарпов Александр Михайлович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и прикладной лингвистики ФГАОУ ВО «Северный Арктический Федеральный университет имени М.В. Ломоносова»

Официальные оппоненты:

Сдобников Вадим Витальевич – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики английского языка и перевода ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»

Матыцина Ирина Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской и кельтской филологии ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

Защита состоится «28» марта 2022 г. в 12 час. 30 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.263.03 в Тверском государственном университете по адресу: 170100, Россия, г. Тверь, ул. Желябова, 33, ауд. 206.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тверского государственного университета по адресу: г. Тверь, ул. Трехсвятская, д. 16/31. Отзывы можно отправлять по адресу: 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33, ученому секретарю диссертационного совета Д 212.263.03.

Автореферат разослан « _____ » _____ 20__ г.

Ученый секретарь диссертационного совета
Д 212.263.03 кандидат филологических наук,
доцент

П.Е. Карташова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено сопоставительному изучению типологии коммуникативных неудач (далее – КН) с позиций лингвосемиотики в сфере реализации устного перевода судебного дискурса.

Основной целью деятельности устного судебного переводчика является обеспечение эквивалентного и адекватного перевода. Сложность решаемых переводчиком задач объясняется рядом аспектов, отличающих устный перевод в ходе судебного заседания от других переводческих практик. Основополагающими факторами следует считать диалогический характер общения между участниками судебного процесса, а также устный, неподготовленный характер речепроизводства, наличие прямого контакта между коммуникантами и дефицит времени для выполнения адекватного и эквивалентного перевода. Все вышеперечисленные особенности могут оказывать объективное влияние на возможность переводчика воспринимать, интерпретировать, понимать и в необходимой мере передавать инвариант сообщения. Изучение отличительных характеристик, присущих деятельности устного судебного переводчика, следует проводить с лингвосемиотических позиций с учетом как особенностей языковых и речевых знаков, так и комплекса экстралингвистических факторов.

Характеризуя степень *научной разработанности проблемы*, следует подчеркнуть отсутствие на сегодняшний день научной литературы, в которой бы применялся целостный подход к устному судебному переводу как взаимосвязанной системе лингвосемиотических измерений в преломлении к объекту данного исследования. Научные исследования КН через призму перевода устнопорождаемого судебного дискурса в современной научной литературе практически не представлены. В России изучение судебного перевода ограничивается, в первую очередь, вопросами оценки качества и подготовки переводчиков, а также принципами выполнения письменного перевода судебных документов. Устная форма перевода судебного дискурса в научных изысканиях представлена также изучением нормативно-правовой базы обеспечения и организации деятельности переводчика в суде. Таким образом, в центре российских исследований оказываются сугубо практические вопросы обеспечения переводческой деятельности в суде и их связь с правом участников судопроизводства на перевод, выбором и назначением переводчика. Лингвистические и лингвосемиотические аспекты устного перевода судебного дискурса не получили должного освещения у отечественных исследователей, что обуславливает новизну представляемого исследования.

Ввиду широкого практического использования устного перевода в сфере работы государственных органов за рубежом изучению именно этой переводческой практики, в том числе, устному переводу в ходе судебного заседания, посвящено довольно большое количество англоязычных работ. Вместе с тем, центральное место в зарубежных исследованиях занимает изучение когнитивных механизмов устного судебного перевода, сравнение компетенции и техники выполнения перевода переводчиками разного уровня подготовки, процессы оценки качества перевода, а также изучение

социолингвистических аспектов перевода, связанных с ролью переводчика в зале суда, кодексом этики переводчика, правом подсудимого на перевод и т.д.. Таким образом, в рамках дискурсивного подхода в зарубежных исследованиях в качестве объекта исследования зачастую выступают лишь отдельные аспекты переводческой деятельности. Отсутствует систематический и целостный подход, совмещающий рассмотрение перевода в качестве многомерной системы выражения смыслов в соотнесенности с экстралингвистическими факторами, присущими устному судебному дискурсу. Данный систематический и целостный подход, представленный в реферируемом исследовании и осуществленный на основе принципов интегративного переводоведения, также составляет новизну настоящей работы.

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающим интересом лингвистов и представителей юридических профессий к проблеме обеспечения качества устного судебного перевода, расширением международных контактов, вызванных миграцией населения, а также необходимостью законодательного обеспечения принципа «языка судопроизводства», изучением опыта работы института судебных переводчиков за рубежом и возможностью оценить и перенять положительные стороны зарубежного опыта, малой репрезентативностью предмета исследования в работах, направленных на изучение звучащего судебного дискурса.

Объектом исследования являются КН в устном судебном переводе со шведского языка на русский и в обратном направлении.

В качестве **предмета исследования** определены лингвосомиотические аспекты КН, возникающих в ходе устного перевода звучащего судебного дискурса на примере языковой пары «шведский и русский языки».

Цель работы – изучить и описать КН и их причины в устном судебном переводе со шведского языка на русский и в обратном направлении с учетом специфики переводческой деятельности в межъязыковом и межкультурном устном дискурсе с опорой на идеи интегративного переводоведения и лингвосомиотики.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) рассмотреть и кратко описать методологию исследования в переводоведении, и, в частности, в области изучения устного перевода;
- 2) определить и раскрыть основы моделирования процесса перевода как метода исследований устного судебного перевода;
- 3) рассмотреть теоретические основы интегративного переводоведения и обосновать выбор интегративной модели процесса перевода в качестве определяющего вектора исследования устного судебного перевода;
- 4) определить и представить константы процесса устного судебного перевода;
- 5) рассмотреть и сопоставить взгляды отечественных и зарубежных ученых на проблемы устного судебного перевода в целях определения доминантных характеристик судебного дискурса с учетом национальной

специфики и опыта практической реализации устного судебного перевода в Швеции и России, а также с целью выработки собственных позиций по описанию коммуникативных неудач;

б) определить и систематизировать лингвосомиотические факторы, влияющие на возникновение КН в устном судебном переводе, при привлечении в качестве языкового материала аудиозаписей звучащей судебной речи на шведском и русском языках;

7) изучить онтологию и представить типологию КН в устном судебном переводе со шведского языка на русский и в обратном направлении с учетом лингвосомиотических параметров «перцептика», «семантика», «синтактика» и «прагматика» и на основе анализа языкового материала.

Методы исследования определяются поставленной целью, задачами и носят комплексный и системный характер. В основу исследования положен метод лингвистического описания с его основными компонентами: наблюдением, обобщением, сопоставлением, систематизацией и интерпретацией. В работе применяются также метод моделирования процесса перевода, метод контекстуального анализа, метод сопоставительно–переводческого анализа, метод компонентного анализа, классификация материала, общенаучные методы обобщения и индукции.

Основу теоретико–методологической базы составили работы по:

1) *переводоведению и лингвистическому моделированию* [Nida 1964; Бархударов 1975; Каде 1980; Комиссаров 1990; Миньяр-Белоручев 1996; Волкова 2010; Поликарпов 2011; Сдобников 2015; Мощанская 2016 и др.],

2) *общей семиотике* [Якобсон 1975; Соссюр 1977; Барт 1989; Пирс 2000; Моррис 2001; Степанов 2001; Почепцов 2002 и др.] и *лингвосомиотике* [Austin 1962; Сыроваткин 1978; Миловидов 2000; Худяков 2000; Краузе 2002; Кронгауз 2005; Поликарпов 2013 и др.],

3) *исследованиям дискурса* [Berk-Selingson 1990; Davidson 2000; Roy 2000; Миловидов 2000; Wadensjö 2001; Van Dijk 2006; Кибрик 2009 и др.],

4) *юрислингвистике и юридическому переводу* [Danet 1980; Голев 1999; Мушнина 2004; Coulthard, Johnson 2007; Дубровская 2009 и др.],

5) *исследованиям судебной речи* [Павлова 1991; Недашковская 2004; Дубровская 2010; Пригарина 2010; Тарасов 2010; Тютюнова 2012 и др.],

6) *исследованиям терминологии* [Даниленко 1977; Головин, Кобрин 1987; Ткачёва 1987; Быкова 2003; Рецкер 2006; Волкова 2010 и др.],

7) *исследованиям коммуникативных неудач* [Austin 1962; Городецкий 1985; Ермакова, Земская 1993; Кънева 1999; Вечкина 2010; Korolev 2010; Бугрова 2012; Полякова 2012; Пушина 2015 и др.],

8) *теории устной речи* [Kainz 1965; Соколов 1968; Зимняя 1976; Pinker 1994; Краузе 2002; Фесенко 2002; Буланова 2009; Поликарпов 2013],

9) *теории устного перевода* [Wadensjö 1998; Gile 2001; Hale 2003; Angelelli 2004; Пшёнкина 2005; Аликина 2010; Поликарпов 2011, 2017 и др.],

10) *теории устного судебного перевода* [Morris 1995; Hale 2004; Mikkelsen 2008; Stern 2012; Мушнина 2012; Сдобников 2015 и др.],

11) изучению деятельности устного судебного переводчика в России и Швеции [Wadensjö 1998; Софийчук 2005; Ларин 2011; Бабанина, Живаева 2015; Сдобников 2015; Обидина 2016, 2017; Carstensen 2017 и др.].

Материалом исследования послужили аутентичные цифровые аудиозаписи судебных заседаний (75 аудиозаписей, 18 судебных процессов), проходивших в девяти судах первой инстанции общей юрисдикции в Швеции. Аудиозапись проводилась судом (в период с 2018 по 2019 гг.) согласно положениям шведского процессуального кодекса и является публичным документом. Языковой материал представлен аудиозаписями допроса процессуальных сторон (истца; ответчика; подсудимого), свидетелей и (или) потерпевшего. Критериями отбора анализируемого материала послужили следующие факторы: наличие вербальных или паравербальных маркеров КН; наличие неточностей или ошибок в переводе. Аудиозаписи судебных заседаний транскрибированы согласно целям исследования, а затем проанализированы в соответствии с герменевтическим подходом.

Научная новизна диссертационной работы заключается в следующем:

1) Впервые в рамках интегративной модели процесса перевода рассмотрен устный *судебный* перевод.

2) Впервые в число констант перевода включены нормативно-правовые аспекты деятельности переводчика, изучено их влияние на процесс перевода.

3) Изучены и обобщены характеристики судебного дискурса (устность, спонтанность, институциональность, интердискурсивность, агональность коммуникации и некоторые другие).

4) Впервые КН рассмотрены через призму лингвосемиотических измерений, в плоскости которых они возникают (мономерной или многомерной).

5) Выявлены и типологизированы лингвосемиотические параметры КН в устном судебном переводе посредством сопоставления оригинала и перевода.

6) Лингвосемиотический анализ материала представлен в комплексе с анализом актуального правового контекста судебного заседания.

7) Введено обоснованное разграничение переводческой ошибки и КН.

Положения, выносимые на защиту:

1) КН – комплексный феномен, представляющий собой факт сбоя в коммуникации под влиянием внутренних и внешних факторов, и оказывающий негативное влияние на ее эффективность.

2) КН в устном судебном переводе связаны со спецификой устной формы вербальной интеракции, а также институциональными характеристиками судебного дискурса в совокупности с особенностями деятельности переводчика, используемого в рамках слушания судебных дел с участием неносителей государственного языка.

3) Оптимальным в изучении и описании КН в устном судебном переводе, а также в целях моделирования самого процесса перевода, представляется применение интегративного подхода.

4) КН в устном судебном переводе могут формироваться на разных этапах функционирования языкового знака в контексте интеракции между участниками судебного диалога (в том числе переводчика): как на этапе порождения языкового знака отправителем сообщения, так и восприятия и толкования знака реципиентом высказывания.

5) КН возникают в устном судебном переводе, на всех четырех измерениях семиозиса (перцептики, семантики, синтактики и прагматики), понимаемых в качестве мономерных или многомерных параметров изучаемого семиотического пространства.

6) Лингвосемиотический аспект рассмотрения КН в устном судебном переводе на материале шведского и русского языков позволяет выявить ряд особенностей возникновения коммуникативных неудач. В перцептическом измерении выполнение перевода под воздействием звуковой формы оригинала приводит к менее заметным несоответствиям, которые дают небольшой эффект отстранения, но, как правило, не приводят к КН на этапе восприятия сообщения получателем. Семантический параметр функционирования знака демонстрирует значимость фактора реципиента в интерпретации КН и важность эквивалентного перевода тематической лексики, в первую очередь, юридического характера. Нарушения синтагматического плана высказывания, рассмотренные в синтаксическом измерении семиозиса, представляют собой ошибочную, неточную или произвольную реализацию ретроспективной или проспективной проекции в ходе развертывания судебного дискурса. Прагматический аспект рассмотрения КН определяется конфигурацией следующих параметров: «облигаторность / факультативность»; «явность / отсроченность»; «предсказуемость / непредсказуемость»; «отвратимость / неотвратимость» возникновения КН.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что ее выводы могут представлять интерес для формулирования и верификации принципов изучения КН в устном переводе звучащего судебного дискурса, установленных в ходе сопоставительного изучения текстов оригинала и перевода с учетом типологического и контрастивного подходов. Полученные результаты могут внести вклад в дальнейшее развитие теории коммуникации в аспекте изучения онтологии коммуникативных неудач и интегративного переводоведения в отношении критериев оценки качества перевода.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется возможностью использовать полученные научные данные при разработке лекционных курсов и учебных пособий по общей и частной теории перевода, коммуникативистике, сопоставительному языкознанию, теории текста, дискурсологии, контрастивной лингвистике, практическому курсу перевода (шведский язык), юридическому переводу, процессуальному праву, сравнительному правоведению. Основные положения диссертации могут быть использованы при создании практических рекомендаций по работе через переводчика в суде и для разработки спецкурса по теории устного судебного перевода.

Достоверность исследования подтверждается значительным количеством привлекаемых отечественных и зарубежных теоретических источников, большим объемом анализируемого языкового материала со значительной территориальной репрезентативностью судов, системным анализом отобранных случаев КН, непротиворечивостью результатов.

Апробация работы прошла в виде обсуждения диссертационного исследования на заседании кафедры перевода и прикладной лингвистики ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова» (протокол №12 от 16.12.2021). Основные и промежуточные результаты исследования изложены в виде докладов на 10 конференциях разного уровня, в том числе 3 международных научно-практических конференциях с докладом на английском языке: 1) «*In Pursuit of Excellence in the Language Industry*» в рамках деятельности Союза переводческих объединений Скандинавских стран *SLAM!-2018* (Швеция, г.Мальмё 2018); 2) «*The Impact of Interpreters on the Judiciary at National and International Level*» в рамках Генеральной Ассамблеи Европейской ассоциации судебных переводчиков EULITA (г.Люксембург, Суд Европейского союза, 2019); 3) «*Interpreting In The Age of AI*» в рамках деятельности Международного союза переводчиков Critical Link International 9 (г.Токио, 2019). В виде докладов на 2 международных научных семинарах: 1) «*Архангельский Север и Европа: исторические связи и литературный трансфер*» (г.Архангельск, 2018); 2) «*Сетевое сотрудничество в области прикладной лингвистики и филологических исследований*» (г.Архангельск, 2018). А также в виде докладов на научных конференциях: 1) VI научно-практическая конференция молодых учёных «*Язык. Культура. Литература*» в рамках Ломоносовских чтений (г.Архангельск, 2017); 2) научно-практический семинар «*Швеция и Россия: кросс-культурная коммуникация глазами молодых ученых*» (г.Архангельск, 2017); 3) «*Развитие Северо-Арктического региона: проблемы и решения в гуманитарной сфере*» (г.Архангельск, 2018); 4) VII научно-практическая конференция «*Язык. Культура. Литература*» в рамках Ломоносовских чтений (г.Архангельск, 2018); 5) всероссийская научная конференция «*Развитие научного и художественного перевода и литературы народов России: от Ломоносова до наших дней*» (г.Архангельск, 2021).

Основные положения работы изложены в 10 публикациях, в их число входят 3 статьи в изданиях, входящих в перечень ВАК РФ, 1 статья в рецензируемом издании, включенном в международную систему цитирования Scopus (из них 2 статьи входят в ядро РИНЦ), 1 статья в иностранном рецензируемом издании и 5 статей в сборниках научных трудов и материалов конференций, входящих в базу РИНЦ.

Диссертация состоит из введения, двух глав и выводов по ним, заключения, списка сокращений, списка литературы (430 наименований, из них – 133 на иностранном языке), списка справочной литературы (19 наименований), списка нормативных документов (24 наименования). Общий объем работы составляет 199 страниц (248 страниц с библиографией).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «Теоретические основы исследования коммуникативных неудач в устном судебном переводе» представлен теоретический фундамент исследования. Отражены предпосылки развития теории устного перевода, характерными признаками которой являются многоплановость исследовательских методов, комплексность подхода к изучению деятельности устного переводчика, а также конструирование методологического аппарата в соответствии с нуждами и целями исследования. Дается краткий обзор *метода лингвистического моделирования* и обоснование выбора интегративной модели процесса перевода в качестве ведущего метода исследования.

Теоретическая глава освещает вопросы философской герменевтики перевода, рассматриваются понятия значимости, смысла, понимания, интерпретации. Интегративная модель устного судебного перевода ориентирована на комплексное изучение констант перевода, среди которых наиболее важными представляются устность порождаемого текста, многоканальность мыслительных процессов, языковая личность говорящих и переводчика, институциональность и интердискурсивность судебного дискурса, принадлежность субъектов к дискурсивному сообществу, нормативно-правовое регулирование переводческой деятельности.

Для *устной межъязыковой коммуникации, осуществляемой в суде*, характерны непосредственная двусторонняя связь между участниками коммуникации, временная и пространственная определенность (конкретный хронотоп), смена функций отправителя и получателя речи¹, целенаправленность вербального поведения. В распоряжении коммуникантов находится при этом также целый комплекс лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических средств (язык, интонация, мимика, жесты, ситуативная обусловленность). Полный обзор характеристик устного речепорождения в суде представлен в подразделе 1.3.1.

Особая роль при устном судебном переводе в режиме реального времени отводится *когнитивно-психической константе* перевода, включающей познавательные параметры. К их числу относятся скорость мышления, концентрация внимания, объем и распределение ресурсов рабочей памяти, умение переводчика применять усвоенные лингвокультурные знания, коммуникативные стратегии, тактики и приемы.

В данном исследовании *судебный дискурс* определяется как вербальная реализация юридического дискурса в контексте конкретного судебного заседания. Изучение устного судебного перевода как особого типа переводческой деятельности обязывает принимать во внимание *институциональные особенности* переводимого дискурса (раздел 1.3.3).

¹ Девкин В.Д. Особенности немецкой разговорной речи: научное издание. М.: Междунар. отношения, 1965. С.10; Гойхман О.Я. Речевая коммуникация. М.: ИНФРА-М, 2003. С. 131.

Обзор существующих научных трудов зарубежных переводоведов² показал, что в западном научном сообществе существует отчетливое разграничение профессии устного и письменного переводчика. Устный судебный перевод в Швеции (как подвид социального перевода) является утвердившейся и признанной среди представителей других специальностей профессиональной деятельностью, а история существования института устных судебных переводчиков насчитывает несколько десятков лет. Деятельность устных судебных переводчиков регулируется в Швеции целым рядом нормативно-правовых актов³. Разработаны также документы рекомендательного характера⁴, предназначенные для широкого круга читателей: от представителей судебной системы до простых граждан Швеции.

В России профессия судебного (присяжного) переводчика проходит этап своего становления в качестве независимой сферы деятельности. Силами инициативной группы в составе В.В. Сдобникова, А.А. Ларина, Л.Б. Обидиной и др. в рамках деятельности Союза переводчиков России ведется работа по внедрению проекта «Положение о судебном переводчике»⁵. Вопросы обеспечения качества судебного перевода привлекают внимание не только лингвистов, но и юристов. Однако взгляды российских ученых на необходимость выделения судебного перевода в отдельную отрасль перевода расходятся. В центре научных дискуссий находится определение роли переводчика. В представленном диссертационном исследовании взгляды ученых-переводоведов комментируются в трех плоскостях: 1) в узком смысле – в рамках участия переводчика в конкретном судебном процессе (языковой посредник, культурный посредник, регулятор общения и т.д.); 2) в рамках процессуального законодательства – может ли переводчик выступать гарантом права на справедливое судопроизводство и права на язык судопроизводства или быть сугубо языковым посредником; 3) в более широком контексте – вопрос расширения функций переводчика до языкового эксперта, агента в отношении сбора и оценки доказательств и т.д.

Исследование доказывает, что к факторам, влияющим на стратегию перевода, необходимо причислять **правовые нормы**, распространяющиеся на деятельность судебного переводчика, отчасти или полностью определяющие:

1) психологические аспекты: ответственность за качество перевода; публичная доступность перевода; потенциально: а) неограниченная аудитория, б) неограниченное время существования перевода (архивирование аудиозаписи), в) широкое медийное освещение процесса с концентрацией внимания на переводчике и переводе; г) опасная близость к преступнику, страх за собственную жизнь и здоровье;

² R.Morris, S.Hale, C.Angelelli, M.Shlesinger, B.Jacobsen, G.Carstensen, C.Wadensjö, F.Pöchhacker, M.Snell-Hornby и др..

³ 5 kap. 6 § Rättegångsbalk; Förordning (1985:613); KAMFS 2021:2.

⁴ God Tolksed 2019; Tolkpolicy Södertörn 2020 и др..

⁵ Ларин А.А. Институт присяжных переводчиков: зарубежный опыт и перспективы введения в России. 2011. С. 55-61; Проект Положения о судебном переводчике, 2015.

2) технические аспекты: владение портативными устройствами для перевода; работа в системе удаленного синхронного видео-перевода;

3) форма работы переводчика – устно-устный перевод (синхронный перевод, устный последовательный перевод, шушутаж), работа в тандеме;

4) выбор стратегии и тактики перевода: предписание точной и полной передачи информации, запрет на выражение собственного мнения и ценностей, запрет на добавление, опущение или иное изменение содержания ИТ нормами работы и Кодексом этики устных переводчиков⁶.

Под КН в данном исследовании понимается преднамеренное или непреднамеренное нарушение коммуникации, вследствие которого реципиент сообщения испытывает или потенциально может испытывать затруднения: 1) в интерпретации какой-либо информации; 2) в адекватном распознавании интенций отправителя сообщения или 3) в осуществлении коммуникации по заданной схеме реализации высказывания под влиянием лингвосемиотических характеристик дискурса, а также экстралингвистических факторов, в результате чего страдает качество коммуникативной деятельности. Изучение КН в устном судебном переводе проводится с учетом его ключевых характеристик (раздел 1.3.3, с. 39).

В исследовании проводится различие между явными (эксплицитно выраженными) и скрытыми (косвенное указание на КН) *маркерами КН*. Анализ языкового материала показал, что в группу явных маркеров входят: 1) полносоставные утвердительные высказывания (шве. *ni förstår jag inte*, рус. *я не понимаю вопроса*); 2) полносоставные конструкции в форме общего вопроса (шве. *vad sa du ni?* рус. *что вы сейчас сказали?*); 3) краткие структуры в форме общего вопроса (шве. *vad? vem?* рус. *что? кто?*); 4) полносоставные или краткие конструкции в форме специального вопроса (шве. *vadå för -ställningar?* рус. *какие «ställningar»?*).

К группе скрытых (но фонетически идентифицируемых) маркеров КН относятся: 1) невербальные проявления хезитации (паузация), а также ее вербальные реализации в форме: 2) косвенного вопроса (шве. *förlåt?* рус. *простите?*); 3) повтора высказывания и запроса подтверждения (шве. *men om jag frågar såhär då <...>*, рус. *а если я вот так спрошу <...>*); 4) вербальных хезитативов (звукозаполнение, растяжка звуков речи шве. *ä-ä-ä*, рус. *э-э-э, м-м-м* и др.).

Обширные разработки в области семиологии⁷ постулируют взаимосвязь разных видов знаковых отношений, вовлеченных в процесс создания смысла и значения знака. В проведенном диссертационном исследовании признается двойственная природа знака языка и речи. Типология КН в переводе устнопорождаемой речи соотносится с *лингвосемиотическим подходом* презентации лингвистического знания. Структурный каркас типологии КН строится в исследовании в соответствии с измерениями семиотики речи, в которых они образуются.

⁶ 19-20 §§ Kammarkollegiets tolkföreskrifter KAMFS 2021:2.

⁷ Ч.Пирс 2000; Ч.Моррис 2001; Ф. д. Соссюр 1997; Р.О.Якобсон 1975 и др.

В качестве центральных измерений знакоупотребления в ходе осуществления устного судебного перевода в исследовании выделяется три традиционных параметра: 1) семантический параметр (семантика знака); 2) синтаксический параметр (синтактика знака); 3) прагматический параметр (прагматика знака). Наличие выявленной специфики реализации судебного дискурса (устность, спонтанность речи) и его перевода позволяет учитывать еще один, дополнительный параметр, занимающий инициальную позицию в функционировании языкового знака в преломлении к устному судебному переводу, а именно: 4) перцептивный параметр⁸.

Первая глава исследования показывает, что КН представляет собой комплексный феномен, проявляющийся в нарушении коммуникации под влиянием ее внутренних и внешних факторов и оказывающий негативное влияние на эффективность и результативность общения. Перевод в сфере судебного дискурса, осуществляемый в соответствии с интегративным подходом, требует активизации как языковых знаний переводчика, так и его когнитивных способностей «с позиций сохранения цельности информации в процессе двуязычной межкультурной коммуникации»⁹, а также ориентации на соблюдение коммуникативных установок говорящего, сохранение прагматического потенциала высказываний, достижения терминологической и содержательной точности перевода.

Вторая глава исследования «Лингвосемиотическая типология причин коммуникативных неудач в устном судебном переводе» посвящена анализу языкового материала и выявлению лингвосемиотических предпосылок появления КН в устном судебном переводе. В *перцептивно-семиотическом* ракурсе в качестве первоочередного параметра в фокусе переводчика представляется соотнесение акустико-моторного прообраза знака в сознании отправителя сообщения и механизмов его извлечения. На этапе перцепции сообщения переводчику особое внимание необходимо уделять гетеронимии:

Прокурор: på sidan // 23 / så / ser vi ett **draperi** / där

Переводчик: на 23 странице / там видно / **драпировку**

Приведенный пример иллюстрирует КН на стадии акустического восприятия высказывания переводчиком (предмет разговора – *ванная комната*). Посредством актуализации акустико-моторного представления лексемы шве. *draperi* (*перцептема*₁) в сознании переводчика растормаживается также и другая схожая по звучанию лексема рус. *драпировка* (*перцептема*₂), несмотря на то, что она принадлежит лексической системе другого языка. При этом значения *перцептемы*₁ и *перцептемы*₂ не идентичны, они характеризуются совпадением лишь некоторых сем. Неполное совпадение звуковой структуры слов и некоторая общность их семантики оказываются достаточными для того, чтобы при дефиците времени перевести лексему шве. *draperi* как рус. *драпировка* в ущерб смысловым связям (которые бы не

⁸ Восприятие знака см. Kainz 1965: 52; Сыроваткин 1978: 56; Краузе 2002 и др.

⁹ Поликарпов А.М. Интегративная модель процесса перевода // Лингвистика и перевод: сб. науч. статей и материалов. Архангельск: САФУ, 2011. № 1. С. 170.

утратились при осмыслении *значения*₁ и выборе эквивалентного *значения*₂ рус. *штора / занавеска*).

Установлен ряд причин возникновения КН в ракурсе перцептики: 1) растормаживание схожих по звучанию, но различных по семантике акустико-моторных прообразов лексем (например, в случаях гетеронимии); 2) перекрестность звуковой формы знака на ИЯ и акустико-моторного прообраза на ПЯ (когда звуковой форме знака на ИЯ соответствует перцептема на ПЯ); 3) фразовая омонимия (требующая переразложения перцептемы и извлечения смысла при опоре на предметную ситуацию, заключенную в синтаксических связях); 4) несоответствие звуковой формы знака акустико-моторному прообразу. Характерным для устного судебного перевода является то, что КН возникают преимущественно на стадии восприятия и опознания перцептом переводчиком. В то же время ошибочный выбор лексемы в ПТ вследствие КН не всегда влечет за собой возникновение КН на стадии восприятия перевода реципиентом.

Выявлено, что КН в ракурсе *семантики речи* проявляются на разных ярусах языка, особую репрезентативность они получают в связи с интерпретацией лексики. Потенциальные КН как результат вариативности интерпретации семантики *общеупотребительной* лексики переводчиком или реципиентом перевода могут быть обусловлены: 1) использованием заимствованных слов; 2) реализацией разговорных окказионализмов; 3) отсутствием полной корреляции между семантикой знака и референцией (его предметной соотнесенностью); 4) несовпадением семантических полей лексики в ИЯ и ПЯ; 5) межъязыковой лексической омонимией; 6) типологическими различиями между ИЯ и ПЯ.

Анализ устнопорождаемого судебного дискурса показал, что вкрапления «шведизмов» не относятся к различиям в концептуальных или понятийных сферах между языками, т.е. не описывают отсутствующие в картине мира носителя русского языка предметы или понятия, а, напротив, называют привычные бытовые действия и факты жизни (*стэд* – рус. *уборка*; *реса* – рус. *поездка, билет*; *твэтта сделали* – рус. *постирали*; *персоналы* – рус. *персонал, сотрудники*; *мотэ* – рус. *встреча, собрание*; *сникеристы* – рус. *плотники*). Следовательно, использование иноязычной лексики обусловлено не только наличием лексических лакун, но, в большей степени, спонтанностью и неподготовленностью устной речи русскоязычного отправителя сообщения.

Лексическая интерференция такого рода может вызывать паузы в речи переводчика, необходимость уточнения посредством переспроса отправителя сообщения или снижение той семантической нагрузки, которую несет в себе заимствованный компонент в случаях речевой избыточности:

Истица: она говорит э // они мне сказали что они не **тусспеларе** но- / М. / М. Шнуз она не тусспеларе / и из-за этого она может / что-то [сказать вот]

Переводчик: [что такое] тусспеларе ?

Истица: ну э / что / они э / не- / не разглашают тайны

Переводчик: **aha** // ehm / nmh // **еще раз**

Переводчик: еще раз скажите / что такое **тюсселаре**?

В случае отсылки к реалиям шведского общественного устройства при условии разборчивого шведского произношения КН не возникает:

Подсудимый: в Швеции // я / получил **першунномер**

Переводчик: jag fick ett **personnummer** i Sverige

Установлено, что в отношении использования терминологии важным признается владение терминосистемами ИЯ и ПЯ. КН возникают из-за 1) ориентации на широкую семантику вместо узкоспециального значения термина или неверного определения значения юридического термина в терминосистеме на ИЯ; 2) несовпадения калькированного перевода многокомпонентного термина с синтаксическим окружением лексемы (перспективные и ретроспективные связи, широкий контекст высказывания, см. nödvärnsexcess); 3) влияния прагматики высказывания на интерпретацию термина; 4) терминологических коллизий.

Юридически терминологическое разночтение может иметь решающее значение, если реципиентом перевода является субъект-юрист. Пример подобной коллизии – содержание понятия рус. *предпринимательская деятельность*, которое в разных фрагментах перевода двумя разными переводчиками было отражено и как шве. *affärsverksamhet* (рус. *коммерческая деятельность*), и как шве. *näringsverksamhet* (рус. *предпринимательская деятельность*), выполняющих в обыденной шведской речи роль синонимов. Однако в процессе установления обстоятельств дела государственный обвинитель придает особую весомость терминологическому расхождению в описании одного и того же вида деятельности, расценивая его как признак несоответствия первоначальным показаниям адресанта. Таким образом КН возникает ввиду трактовки прокурором *непреднамеренного терминологического разночтения* внутри терминосистемы торгового права в качестве показателя «изменчивого», а значит неправдоподобного характера показаний. Одним из решений «терминологической» проблемы является предварительная подготовка переводчика к осуществлению устного судебного перевода, например, возможность ознакомиться с материалами дела заранее¹⁰.

В контексте интерпретации терминов из других областей знаний КН может возникать из-за 1) незнания термина (переводчиком или реципиентом); 2) несовпадения семантических полей лексики в ИЯ и ПЯ; 3) расхождения в концептуальных системах (наличия реалий) в ИЯ и ПЯ (например, в системах мер и весов); 4) использования агнонимов, например:

Подсудимый: [...] я / еще выпил / в конце / выпил после завтрака такой / ну есть лекарство такое нуэ / у нас делается ну / **народная медицина** / пятьдесят / грамм / **бобровой струи** // знаете такую штуку / нет ?

Переводчик: м-м (*отрицательно «мычит»*) / **понятия не имею**

¹⁰ ЖК dnr 3535-13-21 (Решение Канцлера юстиций от 23 октября 2013 г. по делу номер 3535-13-21).

[...]
Подсудимый: [и предста-] вляете / еще дело в чем что / **она настаиваться должна только на / спирте / 70 градусов**
Переводчик: [...] eh / mot slutet av / min frukost / tog jag också / **en sån här / ehh // en liten / ehm // ett litet / glas / av / någonting som / i vårt land / används som / läkemedel / allmänt stärkande medicin kan man säga / det är / eh // bäver / nånting som / hummh / tillverkas / på / ehmm // så kallade / som så kallade // ehm // eh / naturmedicin / eh / och poängen här är / att den tillverkas på / 70 % / stark / sprit // och det är / jag tog en / liten / mmm / drink / så återigen / 50 gram // det blir väl / 5 centiliter / 5 centiliter / ja**

Сложность перевода в данном случае возникает не столько потому, что переводчик не находит однозначного соответствия термину рус. *бобровая струя* (шве. *bävergäll*) на шведском языке, сколько из-за того, что шведскому реципиенту перевода, скорее всего, не знакомы лекарственные препараты растительного или животного происхождения типа рус. *элеутерококка, китайского лимонника, облепихи, валерьяны, бузины, кошачьего когтя, чайного гриба, зверобоя, пустырника, эхинацеи, растительного или животного мускуса* и т.д. Тем не менее, будучи ограниченным правовыми нормами судебного перевода¹¹, переводчик обязан переводить все, что было сказано, и не может опустить перевод нового для него термина, фактических событий и характеристик, о которых рассказал подсудимый в связи с этим термином. Переводчик прибегает к тактике доместикации, адаптации плана содержания к культуре реципиента, исходя из первостепенной задачи сохранения ключевых сем с помощью описательного перевода.

В результате исследования в семиотическом *измерении «синтактика»* обнаружено, что на парадигматическом уровне нарушение грамматической нормы языка (напр. рус. *вы видела*) зачастую не приводит к затруднениям в понимании смысла высказывания:

Прокурор: och / eeh // har du sett / några // skador på / E. ?

Переводчик: а **вы видела** какие-нибудь травмы / на / E.

Свидетель: синяк на ноге видела

Переводчик: jag såg en blå- / ett blåmärke på hennes / ben

Однако, когда удельный вес грамматических неточностей на одну единицу высказывания достигает высокого уровня, это может приводить к возникновению КН:

Адвокат отв: sen var det en händelse till / som du polisanmälde

Переводчик: и / потом **было / еще / одно случай / за который вы сделали полицейский / заявление**

Истица: ээ / это вот / то что // **что имеет в виду он ?**

Основа для смысловой целостности переводимого дискурса формируется посредством связности компонентов высказывания друг с другом, а также

¹¹ 21 § Kammarkollegiets tolkföreskrifter KAMFS 2021:2.

путем соотнесенности высказывания с другими частями дискурса. Связность дискурса, т.е. его когерентность, достигается посредством внутренней лексико-грамматической связности текста, т.е. когезии. Проведенное исследование показывает, что причиной КН может являться неоднозначность толкования анафорической референции ввиду: 1) использования определенной формы существительного (в шв. яз.); 2) реализации дейктического местоимения; 3) использования дейктического наречия (см пример ниже).

Адвокат ист: finns det någon / som kan // hjälpa dig med flytten?

Переводчик: а вам кто-то может помочь / с переездом?

Истица: да / тот же человек / который **привез меня сюда**

Переводчик: ja samma person som **skjutsade mig hit**

Переводчик: извините / привез **сюда** // **то есть в суд или куда?**

Истица: да / тот же человек который помог мне // с переездом на эту **квартиру**

При изучении синтактики установлено, что КН может быть вызвана перспективной проекцией: 1) когда использование лексемы не соответствует предметной ситуации и реципиент (зачастую переводчик) не может соотнести лексему с ее денотатом; 2) при многозначности новой по отношению к вербализованному ИТ лексемы, например:

Истец: // ää // när du startar / och åker / till / flytt // // har du nån / ää // ä / **uppgift** / ä / **kan du läsa på telefon ?**

Переводчик: // ehm / **ursäkta men / tolken har / lite svårt / att förstå frågan**

В примере представлена инициальная реплика истца, в которой лексема шве. *uppgift* может в соответствии с широким контекстом переводиться как рус. *задание* (т.е. описание рабочих обязанностей) или рус. *информация* (т.е. сведения о клиентах, сведения о маршруте и т.д.). Без дополнительной фоновой информации переводчик не может выбрать соответствие при переводе сообщения. С учетом линейно-поступательного характера устной речи, соответственно, прием вероятностного прогнозирования не всегда может предотвратить возникновение КН.

Причиной КН может стать нарушение коллокации посредством: 1) несоблюдения правил совместной встречаемости лексических и грамматических единиц высказывания (например, *выносить в аэропорт*); 2) использования метонимии (например, *камера кончается*). КН может быть вызвана: 1) неполнотой синтаксической конструкции (опущение, стяжение, эллипсис); 2) синтаксической полисемией (конструкцией совмещения, наложением), например:

Свидетель: кхм-кхм / на меня подобные отношения / тоже точно также давили для меня / я **не считаю** что / это как бы / **для меня кажется / это / приемлемым**

Переводчик: även jag / hade blivit utsattför samma påtryckningar / i min relation / och **jag tycker inte att det är** // eh / **acceptabelt**

Как показывает приведенный микроконтекст, КН возникает ввиду синтаксической полифункциональности элементов реплики свидетеля.

Словосочетание рус. *это приемлемым* может согласоваться с вычленением фразы рус. *я не считаю* на основе ретроспективной проекции (т.е. *я не считаю + это приемлемым*), а может быть связано с формированием смыслового каркаса на основании проспективной проекции и словосочетания *для меня кажется* (т.е. *это приемлемым + для меня кажется*). Таким образом, смысл данной реплики может быть сведен, с одной стороны, к тому, что *свидетель не считает поведение, характеризующее такие отношения, приемлемым*. С другой стороны, он может быть диаметрально противоположным – *свидетель не видит в таком поведении ничего противоестественного*, наоборот, *ей кажется это приемлемым*.

Наблюдение за случаями возникновения КН в ракурсе *прагматического измерения* лингвосемиотики позволяет выявить некоторые нюансы прагматической стороны использования языковых знаков. Вследствие того, что общение в зале суда строго регламентировано, у оппонента не всегда есть возможность сигнализировать возникновение «неуспешности» коммуникации. В других случаях возникшее нарушение коммуникации не всегда осознается самими коммуникантами, однако при наличии какого-либо искажения в процессе перевода всегда есть возможность того, что его последствия проявляются с отсрочкой во времени. Изучение языкового материала путем сопоставления ИТ и ПТ показывает, что КН могут носить явный или скрытый («отложенный») характер.

Профессиональная этика судебного переводчика и роль нейтрального и независимого языкового посредника предписывает сохранение КН, возникших вследствие несовершенства коммуникации между говорящими. В случаях, когда переводчик распознает появление КН в ходе судебного дискурса, корректировке подлежат такие явления, которые не связаны с личностными характеристиками отправителя, его интенциями или фоновыми знаниями, а только те, которые зависят от сугубо языковых факторов.

Сообразно целям исследования во второй главе диссертации рассматривается дополнительный параметр, характеризующий коммуникативно-прагматический тип КН в ходе устного судебного перевода – в ракурсе оппозиции «отвратимость / неотвратимость».

Так, в отношении примера рус. *я не считаю что / это как бы / для меня кажется / это / приемлемым* мы можем предположить, что переводчик мог не уловить двусмысленности. Поведение, о котором идет речь – ограничение личной свободы женщины, наложение строгих рамок в вопросе выбора одежды и других действий, возможное рукоприкладство со стороны подсудимого, – не может быть охарактеризовано в качестве «приемлемого» в рамках мировоззрения переводчика. Поэтому выделение смысла высказывания идет по пути приоритетности того сценария, который не противоречит «естественности» картины мира переводчика, т.е. согласуется с его мнением о том, какой смысл является наиболее вероятным.

В *выводах по второй главе* сформулированы основные результаты проведенного исследования, приводятся комментарии к предложенной

типологии возникновения КН по каждому из измерений семиозиса. Отмечается, что исследование демонстрирует существование как мономерных КН, так и многомерных КН, возникающих на пересечении: 1) перцептики и семантики; 2) перцептики и синтактики; 3) семантики и синтактики; 4) семантики и прагматики 5) синтактики и прагматики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В *заключении* подводятся итоги проведенного диссертационного исследования и формулируются основные выводы:

1. *КН и ошибка перевода*. С опорой на результаты анализа языкового материала констатируем, что понятия «ошибка перевода» и «КН» не всегда тождественны друг другу. В исследованных коммуникативных ситуациях были обнаружены обстоятельства, когда допущение небольшой неточности или существенной ошибки в переводе не вызвало явную КН. С другой стороны, возникновение КН может наблюдаться вопреки выполнению адекватного и эквивалентного перевода, например, на этапе восприятия и извлечения смысла высказывания реципиентом ПТ. Роль нейтрального и независимого языкового посредника в устном судебном переводе предписывает переводчику сохранение КН, возникших вследствие несовершенства коммуникации между говорящими, в ущерб «гармоничности» перевода.

2. *КН и ее параметр «неотвратимость»*. Исследование показало, что не во всех измерениях лингвoseмиотики и не по всем типам причин КН возможно ее предотвращение. К примеру, даже самый квалифицированный и опытный переводчик не может предугадать использование авторских окказионализмов (рус. *тусспеларе, шэраллар*, шве. *igenmentaliteter*), предвосхитить фразовую омонимию звучащей речи (рус. *она мне хочешь – а нам не хочешь*), заранее просчитать все возможные случаи синтаксической полисемии или компенсировать разницу пресуппозиций отправителя и реципиента сообщения. Переводчик не может гарантировать отсутствие КН в устном судебном переводе ввиду вариативности его лингвoseмиотических характеристик.

Облигаторность и неотвратимость КН означает для судебного переводчика необходимость быть готовым к решению сложных переводческих задач в режиме реального времени, невозможность «застраховать» себя от осечек в переводе, владение навыком дирижирования речевыми потоками в случае появления КН. Переводчик должен быть готов признать непонимание речи, не боясь репутационных рисков.

Для пользователей перевода неотвратимость КН означает, что высокая компетенция переводчика не исключает возникновение КН. Соответственно, пользователи перевода не могут занимать позицию пассивного слушателя. Необоснованно полагаться на то, что все естественным образом возникающие «неясности» общения будут в межъязыковой коммуникации нейтрализованы усилиями переводчика. В связи с высокой степенью индивидуализации значимости и вариативностью стратегий и тактик извлечения смысла высказывания переводчик не может гарантировать взаимное понимание всех ее

смысловых составляющих, возникающих при судебном общении между коммуникантами. Как представители института правосудия, так и другие участники судебного заседания должны активно вовлекаться в процесс понимания сообщения. Предлагаем рассматривать сигнализирование о КН в качестве необходимой части совместного процесса обеспечения качества перевода.

3. *КН и компетенция переводчика.* Появление КН не обязательно свидетельствует о низком уровне подготовки переводчика. В свете действующих правовых норм судебного перевода (существующих в Швеции) сохранение несовершенства коммуникации не является ошибочным, т.к. оно следует целям, задаваемым дискурсом и правовыми нормами перевода, но с коммуникативно-функциональных позиций такой перевод для реципиента ИТ может быть определен как КН.

В ракурсе семантики речи КН получают особую репрезентативность в связи с неверной интерпретацией лексики. Предварительная и адресная подготовка к предстоящему устному судебному переводу (например, посредством ознакомления переводчика с материалами предварительного следствия, заключениями экспертиз и т.д.) повышает возможности переводчика предотвратить элементарные КН на этапе восприятия ИТ, зависящие от знания реалий, обстоятельств дела, имен собственных (дат, чисел, измерительных систем), актуализации определенных терминосистем, и т.д. Однако даже тщательная подготовка к переводу не может гарантировать отсутствие КН при его выполнении.

КН не может рассматриваться в качестве единственного индикатора качества перевода. Контроль профессиональной компетенции переводчика должен осуществляться на основе комплексной и независимой системы оценки качества перевода – например, в рамках института судебных переводчиков.

4. *КН и роль переводчика.* Судебный переводчик не может проследивать процесс означивания, происходящий в мозгу отправителя ИТ, и влиять на процесс понимания, происходящего в голове адресата сообщения, ввиду индивидуальности этих процессов. А значит, он не может выступать гарантом отсутствия КН, каким бы высоким ни был уровень его профессионализма. Реализация и обеспечение прав и свобод участников судопроизводства является прерогативой суда. Однако наличие общего коммуникационного канала общения (переводчика) является необходимой предпосылкой того, чтобы суд мог выполнить данную задачу. Несмотря на то, что роль переводчика в судебном процессе не может быть определена в качестве «гаранта» взаимопонимания сторон, функции переводчика должны включать в себя, как минимум, репаративные возможности, т.е. координирующую функцию – право на «приостановку» речи, право на «переспрос» и т.д..

Результаты проведенного исследования причин КН призваны внести вклад в выработку практических рекомендаций для пользователей перевода в суде, норм и принципов подготовки будущих судебных переводчиков, требований к качеству перевода, в развитие института судебных переводчиков,

формирование банка переводческого опыта, повышение уровня профессионализма отдельных переводчиков и значимости профессии переводчика в целом, а также создания спецкурса по теории устного судебного перевода.

В качестве *перспектив исследования* нам видится выработка общих теоретических положений, касающихся изучения механизмов возникновения и функционирования КН в устном судебном переводе, разработка типологии переводческих ошибок и методики их предотвращения (или корректировки) в ходе перевода звучащей судебной речи, расширение методологии исследования, включающей количественные данные о частоте случаев КН в целях ее более глубокого изучения и типологизации.

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ:

- 1) Французова А.Д. Семантический аспект коммуникативных неудач в устном судебном переводе с использованием русского и шведского языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2021. Т. 14. № 11. С. 3592-3599. (1,53 п.л.)
- 2) Французова А.Д. Прагматические параметры коммуникативных неудач в устном судебном переводе с использованием русского и шведского языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2021. Т. 14, № 12. С. 4024-4031. (1,48 п.л.)
- 3) Поликарпов А.М., Французова А.Д. Об устном судебном переводе в Швеции // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т. 6. № 4. С. 53-69. (doi: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-6) (2,38 п.л.) **(Входит в Ядро РИНЦ)**

Публикации в Scopus:

- 4) Polikarpov A.M., Frantsuzova A.D. Industrial discourse in the context of court interpreting in Sweden // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering 483. IOP Publishing Ltd, 2019. 012056. 9 p. (doi:10.1088/1757-899X/483/1/012056) (1,24 п.л.) **(Входит в Ядро РИНЦ)**

Зарубежные публикации:

- 5) Frantsuzova A. Communication failure in court interpreting within a linguosemiotic approach: a mismatch of expectations // Proceedings of the 1st International scientific practical conference "The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment" (ISMGE 2019). Atlantis Press, 2019. P.193-201. (doi: <https://doi.org/10.2991/ismge-19.2019.38>) (2,22 п.л.)

*Публикации в сборниках научных трудов и материалов конференций,
входящих в базу РИНЦ:*

- 6) Французова А.Д. Институциональные характеристики устного судебного перевода в Швеции // *Тексты нового века: материалы Межрегионального круглого стола / Отв. ред. Н.А.Меркурьева, А.В.Овсянников, А.Г. Пастухов, А.Ю.Титов. Орёл: Орловский гос. ин-т культ., 2019. С. 27-30. (0,42 п.л.)*
- 7) Французова А.Д. Устный судебный перевод с позиций интегративного переводоведения // *Актуальные вопросы гуманитарных наук: материалы выступлений молодых ученых Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова / Отв. ред. Е.Ю. Ваенская. Архангельск: САФУ, 2018. С. 317-321. (0,52 п.л.)*
- 8) Французова А.Д. Лингвосемиотика и качество устного судебного перевода в Швеции // *Лингвистика и перевод: сб. науч. ст. Вып. VII / Сост. и отв. ред. И.М. Нетунаева, А.М. Поликарпов. Архангельск: ИД САФУ, 2018. С. 205-210. (0,60 п.л.)*
- 9) Французова А.Д. Маркеры коммуникативных неудач в контексте устного судебного перевода в Швеции // *Русский Север и Арктика: фундаментальные проблемы истории и современности: сб. научн. статей V Международной научно-практической конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Вып. II. / Сост. О.В.Зарецкая. Архангельск: САФУ, 2018. С. 134-140. (0,62 п.л.)*
- 10) Французова А.Д. Особенности судебного перевода в Швеции в свете развития правовых норм ЕС // *Ломоносовские научные чтения студентов, аспирантов и молодых учёных 2017. Сб. материалов конф. / Сост. Ю.С. Кузнецова. Архангельск: ИД САФУ, 2017. С. 2108-2113. (0,62 п.л.)*